

Э.А. Малиновская

**ИНСТИТУТ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ КАК ОСНОВНОЙ РЕСУРС
ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 1920–1930-Х ГГ.
В ОЦЕНКЕ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XX – НАЧ. XXI ВВ.**

**INSTITUTE OF HIGHER EDUCATION AS THE MAIN RESOURCE
FOR THE FORMATION OF THE SOVIET INTELLIGENTSIA OF THE 1920S-1930S
IN THE EVALUATION OF HISTORIOGRAPHY LATE XX – EARLY XXI CENTURIES**

В статье освещаются вопросы формирования интеллигенции, отраженные в историографии. Отмечено преобладание в исследовательском поле рассмотрения высшей школы как основной ресурса формирования интеллигенции. Основными элементами определяется социальная, национальная корреляция состава интеллигенции в системе высшего образования.

Ключевые слова: интеллигенция, историография, формирование, высшая школа.

The article highlights the issues of the formation of the intelligentsia reflected in historiography. The prevalence in the research field of the examination of higher education as the main resource for the formation of the intelligentsia was noted. The main elements determine the social, national correlation of the intelligentsia in the system of higher education.

Keywords: the intelligentsia, historiography, formation, higher school.

БГУ, Минск, Беларусь.

В условиях реформирования системы образования в 1920–1930-е гг. высшая школа должна была организовать образовательный процесс так, чтобы будущие специалисты обладали не только необходимым объемом знаний по выбранной специальности, но и приобрели статус интеллигенции советского толка.

Современные исследовательские концепции, раскрывающие процесс формирования советской интеллигенции БССР в 1920–1930-е гг., основными элементами модификации определяют социальную, национальную корреляцию состава интеллигенции в системе высшего образования. Советская политика «пролетаризации вузов» имела истоки в идеях А. А. Богданова о Рабочем (Пролетарском) университете [1]. В исследованиях отмечена тенденция смещения от фундаментальной научной подготовки советских студентов того времени на прикладную подготовку посредством содержательного компонента учебных планов. Это отражено в научных статьях и диссертационных исследованиях таких ученых как И. А. Андарало [2], Н. Л. Евдокименко [3], Л. В. Бровко [4], Г. В. Корзенко [5], Н. И. Куракевич, В. Ц. Леанавец, Л. А. Моторова, Д. А. Мартинович, С. И. Невдах, Г. А. Петаченко, В. А. Пилецкий, И. Н. Романова, М. Н. Соколов, А. Г. Трубчак, И. И. Шевчук, Г. Н. Яковлева, О. А. Яновский и др.

Д. А. Мартинович на основе историко-компаративного метода, рассматривая высшее образование 1920–1930-х гг. как на глобальном, так и на региональном уровне, выявил три альтернативные стратегии развития высшей школы [6]. Н. Л. Евдокименко, исследуя проблему формирования кадров высшей школы, обозначил ее как одну из важнейших в политике белорусского государства в 1921–1932-х гг. Отмечалось, что проводилась сдержанная политика по отношению к старой интеллигенции, и одновременно активно шел процесс по созданию новой интеллигенции и замещению ее дореволюционной [3]. Это коррелировалось с общесоюзными исследованиями российского исследователя С. Волкова [7].

Тенденцию политизирования процесса подготовки новой интеллигенции рассматривал исследователь М. Е. Абраменко [8]. Автор отмечал, что даже и среди медиков марксистско-ленинская подготовка выходила на первый план. Политизация, пролетаризация формирования интеллигенции затрагивалась белорусским исследователем доктором исторических наук И. И. Шевчуком [9]. Автор отмечал, прежде всего, количественный рост пролетаризации вузов, в результате коренной перестройки общества, которая затронула и научную деятельность. Проблему государственной политики в сфере науки и подготовки кадров осветили К. Н. Соколов, А. А. Криворот. К. Н. Соколов осуществил историографический анализ современного состояния научной разработки проблемы государственного управления наукой, как непосредственной сферы деятельности интеллигенции [10]. А. А. Криворот выявил влияние высших государственных органов БССР в 1924–1927 на реорганизацию научной структуры [11]. На белорусском материале проблема пролетаризации студенчества, непосредственно отражавшая становление интеллигенции, исследовалась А. Г. Петаченко [12]. В этом ключе А. Г. Петаченко выявил, что пролетаризация советской высшей школы включала три этапа. Положения автора в значительной степени коррелировалось с идеями К. Мангейма, которые стали востребованными после социально-политических изменений конца XX в. в постсоветской историографии.

Принципы крайнего практицизма и классовый подход, противоречивость политики компартии в 1920-е гг. в процессе подготовки кадров и формирования интеллигенции в вузах были выявлены белорусским исследователем И. Н. Романовой на основе анализа документов Национального архива Республики Беларусь [13]. И. Н. Романова исследовала элементы общественного сознания и культурного поля, на основе которых, происходил процесс формирования интеллигенции [14]. Посредством анализа конкретных исторических фактов советологом С. Коткинским отмечалось искусственное создание категорий идеологического языка, канала коммуникации. Новый дискурс становился частью обыденного сознания людей, внешний контроль перерастал во внутренних самоконтроль, и рядовые граждане начинали («говорить по-большевистски» – выражали свои мысли и настроения неким формальным языком [15]. В этом отношении белорусский исследователь А. В. Рытов, обозначил проблему формальных методов исследования социального сознания, осуществив контент-анализ выступлений секретарей на съездах КП(б)Б в 1920-е гг. Это позволило изучить механизмы взаимодействия общества и власти, интерпретировать символические формы социального общения, раскрыть структуру сознания и поведения, в том числе и интеллигенции [16].

Особенностью современной историографии формирования советской интеллигенции стал поворот в сторону антропологического измерения истории, расширилось изучение такой исследовательской проблемы как студенчество в системе высшей школы. Российский исследователь А. Е. Иванов отметил, что суть студенчества «имела единый социально-генетический код с интеллигенцией, с которой учащаяся молодежь соотносилась как часть с целым по своим профессиональным жизненным перспективам» [17, с. 5].

Исследования национальной вопроса и национальной селекции в образовании, белорусизации как базы, на которой осуществлялся процесс формирования новой интеллигенции, оформились

в работах таких авторов как Е. Г. Андреева [18], Т. И. Баталко [19], А. Ю. Бендина, А. Н. Вобищевича, А. Ф. Великого, П. И. Гарбуля, А. Л. Дедикина, Э. Дубинецкого, И. В. Каляда, К. Р. Карпекина, Л. М. Лыча, С. Ю. Сухоцкой, М. И. Старовойтова, Р. П. Платонова, Н. М. Пурышовой и др.

Литература

1. Богданов А. А. Пролетарский университет (1918) // О пролетарской культуре. Москва; Ленинград, 1925. С. 247–250.
2. Андарало И. А. Сановление и развiтiе заочнаго вышшаго педагогичэскаго абразаваня в Беларусi (30–40-е гг. XX ст.). Минск, 2003.
3. Евдокименко Н. Л. Проблемы становления и развития высшей школы Белоруссии (на материалах гос. и обществ.-полит. орг. 1921–1932 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. Минск, 1993.
4. Бровка Л. В. История Белорусского государственного аграрного технического университета (в событиях, фактах, цифрах). Минск, 2006.
5. Корзенко Г. В. Особенности становления научной элиты белорусского общества (20–30-е гг. XX века) // Гiстарычная памяць народаў Вялікага Княства Лiтвускага i Беларусi. XIII – XX стст.: матэрыялы мiжнар. навук. канф., Гродна, 3–5 лiп. 1996 г. Гродно, 1996. С. 303–307.
6. Мартинович Д. А. Становление советской высшей школы (1917 г. – середина 1930-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Минск, 2015.
7. Волков С. В. Интеллектуальный слой в советском обществе. Москва, 1999.
8. Абраменко М. Е. Здравсохранение БССР – становление советской системы (1917–1941 гг.). Гомель, 2005.
9. Шаўчук I. I. Студенты гуманiтарыi БССР (1920–1930): сацыяльна-демаграфiчны агляд // Вестi БДПУ. Сер. 2, Гiсторыя. № 3. 2007. С. 12–17.
10. Соколов К. Н. Историография государственного руководства и правления наукой в БССР (1921–1941 гг.) // Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси: к 90-летию создания Института белорусской культуры: материалы междунар. науч. конф., Минск, 8–9 дек. 2011 г. Минск, 2012. С. 202–208.
11. Крыварот А. А. Дзейнасць вышэйшых дзяржаўных органаў БССР па разгортваннi навучальных структур у 1924–пач. 1927 г. (па архiўных матэрыялах) // Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси: к 90-летию создания Института белорусской культуры: материалы междунар. науч. конф., Минск, 8–9 дек. 2011 г. Минск, 2012. С. 242–249.
12. Петаченко Г. А. Пролетаризация советской школы. 1918–1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Минск, 2013.
13. Раманава I. М. Фармiраванне савецкай сiстэмы адукацыi ў БССР. 1921–1930 гг.: аўтарэф. ... канд. гiст. навук: 07.00.02. Мiнск, 1999.
14. Раманава I. М. Палiтычныя прыпеўкi 1920–1930-х гг. // Гiстарычны альманах. Т. 15. Гарадня, 2009. С. 102–118.
15. Коткин С. Говорить по-большевистски // Американская русистика: веки историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001. С. 250–329.
16. Рытов А. В. Формальные методы исследования социального сознания (контент-анализ выступлений секретарей на съездах КП(б)Б в 1920-е гг.) // Проблемы методологии исследований истории Беларуси: материалы междунар. науч. конф., Минск, 26–27 окт. 2006 г. Минск, 2008. С. 86–88.
17. Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX вв.: социально-историческая судьба. М., 1999.
18. Андрэева Е. Г. Гiсторыя народнай адукацыi Беларусi (1917–1941). Мiнск, 2001.
19. Баталко Т. И. Строительство белорусской национальной школы в условиях политики белорусизации. 1921–1930 гг. (общественно-политический аспект): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. Минск, 1993.